

28 СЕН 1974

Комсомолец Кузбасса
г. Кемерово

ЗАСЛУЖЕННЫЙ артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Алексей Локтев хорошо знаком кузбассовцам. Наши зрители знают его по кинофильмам, хорошо помнят по роли Павки Корчагина, сыгранной артистом в спектакле Московского драматического театра им. А. С. Пушкина «Драматическая песня» во время гастролей в Кузбассе. Именно за эту работу Локтеву была присуждена Государственная премия СССР. На снимке, который мы сегодня публикуем, сцена из спектакля «Драматическая песня».

Желанным гостем был Алексей Васильевич Локтев на заводах Кемерово, у шахтеров Прокопьевска, металлургов Новокузнецка. О днях, проведенных в Кузбассе, напоминают многочисленные сувениры, в строгом порядке стоящие на рабочем столе артиста. На сувенирах надписи: «Нашему Павке Корчагину — Алексею Локтеву — от комсомольцев КМК», «Павке Корчагину, замечательному парню, от горняков шахты имени Ворошилова», «Почетному члену кузбасской «Республики беспокойных сердец», живому Корчагину»...

Среди дорогих артисту реликвий слиток первого чугуна Записиба, шахтерская каска, миниатюрный отбойный молоток...

Над столом — большая фотография. Не сразу узнаешь в чернобромом крепком парне Николая Островского. Только внимательно всмотревшись в портрет, задержав внимание на строгих пронизательных глазах, на жестких складках в уголках губ, понимаешь: да, это действительно он, писатель-комсомолец, писатель-коммунист, автор романа «Как закалялась сталь». Так выглядел Николай Алексеевич до тех дней, когда страшная болезнь навалилась на него со всей силой.

— В репетиционном зале, — рассказывает Алексей Локтев, — где проходили репетиции спектакля «Драматическая песня», на белой стене висели большие портреты писателя. Их специально пересняли по заказу театра с малоизвестных фотографий. Прежде, чем начать каждую репетицию, постановщик спектакля народный артист Советского Союза Борис Иванович Равенских говорил нам, исполнителям ролей:

— Сядем. Помолчим. Посмотрим на Николая Островского.

Наступала тишина. С портретов глядел на нас, то широко улыбаясь, то сурово хмурия брови, человек, от имени и по поручению которого мы должны были говорить со сцены с нашими современниками.

Не знаю, о чем в эти ми-

М О Й ПАВКА

нуты думали мои товарищи, но мне становилось по-настоящему страшно. Страшно оттого, что казалось: никогда не смогу сыграть Павку так, каким увидел его, еще и еще раз перечитывая роман. Казалось мне, что не получу права, взглянув в глаза человеку, изображенному на фотографии, сказать:

— Я честно рассказал о твоём Павке и о тебе, товарищ Островский, парням

и девочкам семидесятых годов!

Чем больше мы работали над спектаклем, тем больше проникались чувством беспредельного уважения к Островскому, к его жизни, ставшей подвигом.

Мы приходили домой к писателю, на улицу Горького, в квартиру, где он работал над книгой «Рожденные бурею». В квартире-музее нас встречала Раиса Порфирьевна Островская,

верный друг и помощник Николая Алексеевича, и день за днем, минута за минутой вставала перед нами его жизнь. Здесь я узнал, что под подушкой больного писателя всегда лежал заряженный револьвер. Нет, ни в коем случае не для того, чтобы выстрелом оборвать свои муки, хранил его Островский. Боевое оружие придавало ему уверенность в своих силах, давало возможность еще раз ощутить себя бойцом.

Эта символическая деталь запомнилась мне на всю жизнь, как запомнились обожженные и пробитые пулями страницы романа, как запали в душу бесчисленные строки писем, адресованные автору «Как закалялась сталь» даже после его смерти.

Немало сыграл я ролей и в театре, и в кино. Но навсегда, уверен, особое место в моей жизни занял Павка Корчагин. Сами репетиции спектакля были необычны. Перед премьерой они длились порой по шестнадцать часов подряд без перерыва. Это было большее, чем обычный выпуск спектакля. Мы выполняли свой гражданский долг.

И когда в день премьеры в зале долго не смолкали аплодисменты, мы понимали, что это не нас благодарят зрители, это знак признательности подвигу Ост-

ровского, подвигу сотен, может быть, тысяч Корчагиных.

В тот вечер, не разгирмировываясь, вместе с Равенских я пошел в наш репетиционный зал. Со стены смотрел на нас Островский, смотрел то улыбаясь, то хмурия брови. Борис Иванович снял тогда вот этот самый портрет, который с тех пор находится у меня, и сказал:

— Бери, Алексей, и всю свою жизнь сверяй с жизнью этого человека. С сегодняшнего дня он нам с тобой еще дороже, чем прежде.

И сейчас, когда трудно, когда что-то не ладится в работе, я советуюсь с Николаем Островским, с его Павкой — моим Павкой. Это очень помогает и в работе, и в жизни.

...Потом Локтев читал стихи поэтов, павших в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны. Читал стоя у окна, за которым в бурном разноцветье вечерних огней жила сегодняшняя Москва, Москва семидесятых годов. Словно вслушиваясь в стихи, пристально глядел на нас с фотографии крепкий чернобровый парень — Николай Островский, писатель комсомольского призыва.

И. ЛЯХОВ.

Москва — Кемерово.